

Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра "Мемориал" Олега Орлова

9 июня 2011 г.

Судебный участок мирового судьи №363 района Хамовники города Москвы (улица 1905 года, д. 4, стр. 1).

Судья: Морозова Карина Александровна.

В судебном заседании участвуют:

обвиняемый Орлов Олег Петрович;
государственный обвинитель Садовников Артем Владимирович, старший помощник прокурора по Центральному административному округу г. Москва;
защитник обвиняемого адвокат Резник Генри Маркович;
представитель потерпевшего Красненков Андрей Анатольевич;
секретарь судебного заседания Мелехина Евгения Юрьевна.

Выступление адвоката Генри Резника

Последнее слово подсудимого Олега Орлова

<...>

Адвокат Резник: Ваша честь! В моей весьма обширной адвокатской практике давно не было столь несложного для защиты дела. Для того чтобы увидеть неосновательность нахождения Олега Орлова на скамье подсудимых, существует очень простой способ – прочитать сказанные им слова и уяснить их смысл, какой они имеют в современном русском языке. Если нам с прокурором в прениях, а Вам, Ваша честь, при постановлении приговора, без посторонней, не считая, конечно, нашу с государственным обвинителем, помощи не удастся этого сделать, то либо всем нам, юристам с высшим образованием, надо дружно уходить в отставку как полным невеждам, либо признать, что обвинять Орлова в клевете на Рамзана Кадырова нет никакой возможности.

Так ставить вопрос меня заставляет предварительное расследование, которое само не могло уразуметь ни содержание, ни форму высказываний Орлова о Кадырове и запросило помощи специалистов-лингвистов. Прокурор, сославшись в своей речи на заключение лингвистической экспертизы как на обвинительное доказательство, в сущности, солидаризовался со следователем в неспособности самому понять суть текста, расцененного им в качестве преступного. Однако обращение к эксперту на корню уничтожает обвинение. Эксперты – это лица, обладающие специальными познаниями, это знатоки в тех областях, куда непосвященному вход воспрещен. Но Орлов адресовал свои слова не особой научной аудитории, не узкой группе филологов-профессионалов, а широкому, неопределенному кругу лиц, читателей массовой прессы и пользователей Интернета. Если следователи и прокуроры сами не в состоянии понять сказанное Орловым, то как они могут обвинять его в стремлении оклеветать Кадырова перед массой людей, многие из которых не отягощены высшим образованием и тем более не поймут, что же в действительности наговорил Орлов журналистам, а потом включил в подготовленный с его участием и одобренный им пресс-релиз «Мемориала».

Предварительное следствие посчитало криминальным сплошь весь авторский текст Орлова избавив себя от анализа каждой из составляющих его фраз. Это проявилось в неконкретности обвинения. С большим трудом от прокурора удалось добиться разъяснения: Орлов клеветает на Кадырова, обвиняя того как организатора, но не исполнителя убийства Эстемировой. Потерпевший в данном вопросе так и не определился, заявив, что его порочит слово «убийца».

Но обвинение в том, что подсудимый назвал Кадырова организатором убийства Эстемировой полностью разрушается всего лишь одной фразой из вменяемого в вину Орлову текста: «Мы не

знаем, отдал ли он приказ сам или это сделали его ближайшие соратники, чтобы угодить начальству», Не снимая с Кадырова подозрения в причастности к убийству, Орлов вовсе не утверждает, что тот непременно является соучастником преступления. Понятно, что руководитель, в угоду которому его подчиненные совершают преступные действия, не подлежит уголовной ответственности. Ясно, что Орлов ведет речь о социально-политической вине Кадырова как президента Чеченской республики, употребляя понятие «виновен» в полном согласии с одним из тех значений, какое имеется в отечественной словесности. Во всех толковых словарях русского языка, начиная с Даля до Ожегова и Шведовой, Кузнецова и Ефремовой «вина», «виновный», «виновник» понимается не только как отношение человека к учиненному им проступку, но и как начало, причина, источник чего-либо плохого, нежелательного, как ответственность за наступление неблагоприятных событий или деяний.

Уверенность Орлова в политической вине Рамзана Кадырова за убийство Эстемировой покоится как на его оценке установившего в Чеченской республике режима государственной власти, так и на целом ряде фактических обстоятельств, говорящих о неприязненном отношении президента Чечни к застреленной правозащитнице, а также на том, что он считает убийства врагов республики допустимым средством политики. Некоторые из этих фактов прямо названы в Заявлении Мемориала, о других Орлов сообщил суду в своих развернутых объяснениях.

О политической атмосфере в Чечне, царящих там порядках, в основном определяемых личным авторитетом Кадырова, о его неприязни к Эстемировой, не скрываемой им даже после её гибели, конфликтах с ней, угрозах в её адрес, подробные показания дали свидетели Ганнушкина, Черкасов, Локшина, Сокирянская, Каляпин, Мнацаканян, Шведов. Не только свидетели, вызванные в судебное заседание со стороны защиты, но и допрошенные по ходатайству стороны обвинения, отмечали неблагополучие с кадровым составом сотрудников милиции в Чечне, которые сами совершают преступления, неправомерно задерживают, пытаются и похищают людей. Как показали, в частности, Шведов и Каляпин, в правоохранительных органах республики оказалось немало бывших боевиков, сдавшихся и перешедших на сторону власти не в силу амнистии, а под личную ответственность Кадырова. Малограмотные, исповедующие культ силы, они ориентированы не на закон, а лично на президента Чечни. Закон для них – «Рамзан сказал». И если Кадыров высказывает негативное мнение о правозащитниках, тем более называет их врагами республики, то такие силовики могут совершать преступления в угоду тому, кого считают хозяином Чечни, на свой лад понимая его непродуманные, неосторожно сказанные слова. Именно знание обстановки в Чеченской республике в сочетании с обстоятельствами похищения и убийства Эстемировой привели Орлова к выводу о политической виновности Кадырова в этом злодеянии.

Беспочвенность истолкования такой вины как утверждения об участии Кадырова в убийстве Эстемировой наглядно видна из последних фраз пресс-релиза, полностью проигнорированных стороной обвинения: «Мы знаем об убийствах в Чечне и за пределами Чечни. Убивают тех, кто пытается говорить правду, критиковать власть. Рамзан Кадыров сделал невозможной работу правозащитников в Республике. Те, кто убил Наташу Эстемирову, хотели прекратить поток правдивой информации из Чечни. Может быть, им это удалось». Ставя в вину Кадырову невозможность работы правозащитников в Чеченской республике, Орлов отделяет его от «тех, кто убил» Эстемирову. Если бы включил в их число, - фраза выглядела иначе, примерно так: «сделал невозможной работу правозащитников, а затем приказал убить Эстемирову».

Но в признанном стороной обвинения криминальным тексте интервью Орлова, выпирает и другая фраза «А Президента Медведева, видимо, устраивает убийца в качестве руководителя одного из субъектов РФ». Она явно не сочетается с предыдущей, ключевой для оценки предъявленного Орлову обвинения, только что подробно разобранный мною фразой: «Мы не знаем, отдал ли он приказ сам или это сделали его ближайшие соратники, чтобы угодить начальству». Как же так: в первой фразе – сомнения, во второй – без всяких оговорок клеймо «убийца»?

Это противоречие здесь у нас убедительно разрешено. В очередной раз доказали своё преимущество непосредственность и устность судебного разбирательства. Напомню: мы

защищаемся от обвинения в клевете, состоящей в распространении Орловым заведомо ложных сведений о Кадырове как об организаторе убийства Эстемировой. Организаторе – не исполнителе!

Но убийца – не тот, кто организует преступление, не тот, кто его финансирует, не тот, кто достает смертоносное оружие или подвозит исполнителя к месту расправы. Убийцей называют, разумеется, если это слово не употребляется метафорически, только того, кто непосредственно лишает жизни: нажимает крючок пистолета, бросает бомбу, душит удавкой, бьет ножом, подсыпает яд.

Орлов объясняет: Кадырова назвал убийцей, поскольку тот сам неоднократно в своих публичных заявлениях признавался в том, что убивал, и будет продолжать убивать врагов республики, говорил о том же Эстемировой на последней встрече 31 марта 2008 года во Дворце молодежи, когда снимал её с должности председателя грозненского общественного Совета по правам человека.

Слова Кадырова: «Да, у меня руки по локоть в крови. И я не стыжусь этого. Я убивал и буду убивать плохих людей. Мы боремся с врагами республики» – в пресс-релизе «Мемориала» помещены в следующем абзаце за фразой о Кадырове как убийце.

Устная речь, произносимая спонтанно, тем более во взволнованном или шоковом состоянии, зачастую уступает письменной в четкости формулировок и логической последовательности изложения. Европейский Суд по правам человека неоднократно – например, в делах Гюндюз против Турции 2003 года и Агенауэр против Франции 2010 года – обращал внимание национальных судов на необходимость учета такой закономерности при рассмотрении дел, связанных с правом на свободу мнений.

Устной речи Орлова, потрясенного убийством Эстемировой, на экстренной пресс-конференции 15 июня 2009 года, действительно, свойственна некоторая несистематичность, что отчетливо видно из пресс-релиза. Фраза о словах Кадырова на встрече во Дворце молодежи, так и просится перед фразой об убийце-руководителе одного из субъектов РФ, а не после неё. Фраза о негодовании в верхах Чечни последними сообщениями Эстемировой удачнее смотрелась бы после фразы: «Мы не знаем, кто отдал приказ...».

При подготовке пресс-релиза «Заявление Мемориала» у Орлова была возможность структурно улучшить своё интервью, но он посчитал для себя этически недопустимым менять хоть в чем-то уже прозвучавший текст.

Обвинение не учитывает особенности заранее не подготовленной, эмоциональной устной речи, и в итоге искажает смысл высказываний Орлова.

В качестве обвинительного доказательства представлено решение Тверского районного суда г. Москвы от 6 октября 2009 года, удовлетворившего иск Кадырова к Мемориалу и Орлову о защите чести и достоинства, а также заключение лингвистической экспертизы. Оба эти источника доказательствами в нашем деле служить не могут, поскольку не удовлетворяют требованиям уголовно-процессуального закона. Хотя отношение к ним у защиты разнится.

Решение гражданского суда для постановления приговора по настоящему делу не может быть принято ни в какой части. Ссылка прокурора на статью 90 Уголовно-процессуального кодекса о преюдициальном значении решений по гражданским, арбитражным или административным делам для дел уголовных целиком неосновательна. Норма о преюдиции подлежит применению в соответствии с её конституционно-правовым смыслом, выявленным определением Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 года по жалобе гражданина Суринова. Ни одно обстоятельство, установленное гражданским судом, не может использоваться для подтверждения обвинения лица в совершении преступления без исследования и оценки по правилам доказывания, закрепленным презумпцией невиновности обвиняемого.

Испытания стандартами доказывания, принятыми в уголовном судопроизводстве, решение Тверского суда явно не выдерживает. Детальный разбор интервью Орлова в нем полностью отсутствует. Нет даже попытки объяснить противоречия между соседствующими фразами, постичь их смысл в общем контексте. Не удивительно: в решении замалчивается то, что в Заявлении Мемориала перенесена устная речь на экстренной пресс-конференции. Тщетно искать в решении оценки фразы: «Мы не знаем, отдал ли он приказ сам или это сделали его ближайшие соратники, чтобы угодить начальству». Её для суда попросту не существует. И вывод о том, что Орлов обвинил Кадырова в нарушении уголовного законодательства – убийстве Натальи Эстемировой, Тверской суд делает только на одном основании – исходя из определения слова «убийца» в одном из Толковых словарей русского языка – как того, кто совершил убийство, то есть лишил жизни умышленно или по неосторожности. Иначе говоря, гражданский суд решил, что по словам Орлова Кадыров или единолично убил Эстемирову, или явился исполнителем убийства в группе соучастников.

Вот к какой нелепости приводит тенденциозность суда, его изначальная заточенность на удовлетворение иска. Уверенно заявлять о предвзятости Тверского суда мне позволяет еще другой пункт его решения. Суд признает утверждением высказывание Орлова о том, что Рамзан Кадыров сделал невозможным работу правозащитников в республике, и требует его опровергнуть. Но такое суждение чисто оценочное, оно неотрывно от субъективных представлений разных правозащитников об условиях их работы в Чечне и не поддается проверке на соответствие действительности. Зато следующая фраза, разрушающая иск, напомним: «Те, кто убил Наташу Эстемирову, хотели прекратить поток правдивой информации из Чечни», опускается. А, следовательно, удаляется и контекст, который только и позволяет определить смысл сказанного. Известное дело - препятствия к заранее определенной цели надо обходить.

В заключении лингвистической экспертизы также не обнаруживается фраза: «Мы не знаем, отдал ли он приказ сам или это сделали его ближайшие соратники». Но по другой причине.

На разрешение экспертизы был поставлен вопрос о том, имеются ли в высказываниях Орлова сведения, содержащие негативную информацию либо негативную оценку действий Кадырова и если да, то в какой форме (утверждения или предположения) они представлены? Фраза об отсутствии знания, кто отдал приказ на убийство Эстемировой, естественно, утверждением не является и сама по себе негативной информации о Кадырове не несет. Поэтому к фрагментам, определенным, как утверждения о факте, эксперты её не относят.

Замечу: к экспертизе особых претензий нет. Она проведена в соответствии с методикой, утвержденной экспертно-криминалистическим центром МВД России. За рамки лингвистики эксперты не выходят. Их выводы никак не подкрепляют обвинение, скорее благоприятствуют защите. На вопрос о том, имеются ли в высказываниях Орлова сведения, соединенные с обвинением Кадырова в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, они ответили отрицательно, указав, что в опубликованном тексте отсутствуют и глагол «обвинять» и словесная конструкция «тяжкие и особо тяжкие преступления».

Суть в ином. Перед нами лишь видимость экспертного исследования. Уяснение смысла интервью Орлова не требует никаких специальных познаний. Без помощи профессионала-лингвиста каждому, к примеру, понятно, что адресатом спорного текста являются все читатели сайта Мемориала, пользователи Интернет-ресурса. Не надо привлекать знатока-филолога для того, чтобы проверить своё понимание значений понятий «виновный», «вина», «преступление», «убийца», «враг», «оскорблять», «угрожать», «порочить». Достаточно заглянуть в какой-либо из общедоступных толковых словарей русского языка. Эксперты так и поступают, ссылаясь на Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. Могли и на другой. Вряд ли обращение к толковому словарю можно считать научным методом.

Упомянутый словарь, кстати, единственный источник, прямо цитируемый в экспертизе. Из остальной литературы, названной в заключении методической, эксперты, видимо, черпают специальные научные термины. Все они кодируют слова обычного разговорного языка: дискурс

вместо рассуждения, эксплицитный вместо явного, имплицитный – скрытого, окказиональный – случайного, единичного; пропозиция означает основное содержание высказывания, коннотация – сопутствующее приращение смысла и т.п. Перекодирование слов означает всего лишь удвоение терминологии и само по себе вовсе не свидетельствует о специальном научном методе.

Проведение так называемых лингвистических экспертиз, к сожалению, приобрело на практике неоправданно большой размах. Это порочная практика. Наши зарубежные коллеги-юристы ей удивляются и над ней посмеиваются. В действительности, помощь специалиста-лингвиста при разбирательстве судебных дел требуется в редчайших, исключительных случаях. Наше дело к ним явно не относится.

Лингвистическая экспертиза от 17 декабря 2009 года должна быть признана судом недопустимым доказательством в силу полного отсутствия научности. Выводы, сделанные в заключении экспертов, очевидны для каждого человека, владеющего русским языком в объеме средней школы. Постановление о назначении лингвистической экспертизы вынесено дознавателем Тимофеевой А.В. с нарушением требований УПК. Назначение экспертизы мотивируется необходимостью применения специальных познаний. Но в постановлении о такой необходимости нет ни слова. Оказывается, экспертиза назначена для того, чтобы, цитирую, «выяснить, содержатся ли в высказываниях О.П. Орлова сведения клеветнического характера».

Лингвисты, по счастью для себя, подменять предварительное расследование не захотели, и отвечать на правовые вопросы не стали. Если бы ответили, были бы вызваны на допрос и краснели перед судом, пытаясь объяснить, почему вышли за пределы своей компетенции.

Считать текст, выдаваемый за экспертное исследование, а на самом деле его профанирующий, судебным доказательством недопустимо. Прибегать к нему, как к источнику специальных познаний – себя не уважать.

Таким образом, в деянии, приписываемом подсудимому, отсутствует объективная сторона клеветы – распространение Орловым ложных сведений в форме утверждения об участии Кадырова в убийстве Эстемировой.

Но если сторона обвинения хоть как-то пыталась доказывать объективную сторону преступления, то от обоснования субъективной стороны она себя полностью освободила. Между тем, для ответственности за клевету надо установить, что виновный заведомо знал, то есть изначально, заранее осознавал ложность распространяемых им сведений, измыслил, выдумал их.

Многочисленные факты, которыми располагал Орлов к моменту своего интервью и в достоверности которых не сомневался, исключают с его стороны заведомую ложь. Убежденность может быть ошибочной, но никогда заведомо ложной. Остается предположить, что Кадыров причисляется обвинителями к тем представителям рода человеческого, сама мысль о неблагоприятных поступках которых преступна. На такое умозаключение меня наталкивает постановление об отказе прекратить уголовное дело при расследовании с упором на высокий, президентский пост Кадырова.

Логика искаженная. В международном праве, в частности, практике Европейского Суда по правам человека, всё с точностью до наоборот. Публичные фигуры, прежде всего, государственные деятели, политики, в большей степени открыты для критики, нежели частные лица, и должны иметь к ней повышенный уровень терпимости. Причем не только к содержанию, но и форме. Так что пусть догмат о непогрешимости папы, существующий в католицизме, остается в рамках этой конфессии и не распространяется на грешных государственных мужей – диктаторов, императоров, президентов, лидеров нации.

Вообще привлечение Орлова к уголовной ответственности за клевету с позиции мировых стандартов весьма проблематично. Во многих правовых, и даже не совсем правовых, государствах клевета из категории преступлений исключена. Ответственность за неё целиком перенесена в

гражданско-правовую сферу. Несколько лет назад клевета декриминализована в Украине. Там, где уголовная ответственность сохранена, заявитель выбирает: по какому пути пойти. Двойная ответственность исключается, поскольку нарушается общеправовой принцип «NON BIS IN IDEM» - «не дважды за то же». Ведь гражданско-правовая ответственность за распространение порочащей лжи деликтная, а не договорная. Российское законодательство в данном вопросе явно устарело. Это недавно признано в очередном президентском проекте поправок к Уголовному кодексу. Клевету и оскорбление в нем предлагается оттуда убрать.

Представителем потерпевшего и в ходе процесса и в прениях предпринимались попытки опорочить правозащитную деятельность «Мемориала», представить ее как вредоносную для Чечни. Что ж, тому есть объяснение.

Доля правозащитников вообще нелегка, а в регионах, где ведется борьба с терроризмом, поистине скорбна. Правозащитники не мирятся с нарушением прав и свобод человека ни при каких условиях. И в этом их польза для государственной власти, склонной в острых ситуациях действовать по формуле «лес рубят – щепки летят». В Чечне, как мы могли убедиться в данном процессе, сейчас как раз так. С одной стороны, несомненные успехи в борьбе с терроризмом, загнанные в глухие горные углы боевики, заново отстроенный Грозный, создание новых рабочих мест. С другой – незаконные задержания, пытки, исчезновения людей, бессудные казни. И правозащитники разоблачают такие нарушения, учитывают каждую «щепку», предадут гласности любые случаи беззакония и произвола власти. Власть у правозащитников всегда на подозрении. Только такой контроль препятствует государству скатиться к авторитаризму, а то и к тоталитаризму.

Позиция Орлова в «Заявлении «Мемориала», его оценка положения с соблюдением прав человека в Чеченской Республике нашла авторитетную поддержку как на международном уровне, так и в России.

Суду представлена резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 22 июля 2010 года, поддержанная российской делегацией как сбалансированная и объективная. В ней, наряду с признанием бесспорных успехов в восстановлении и заметном улучшении инфраструктуры региона, констатируется атмосфера всеобщего страха, постоянного запугивания гражданского общества и средств массовой информации, персонализация власти, отмечается очевидная инертность правосудия по отношению к бесчинствам, совершаемым правоохранительными органами.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации заявляет в своем докладе за 2009 год: «Требуется анализа практика ликвидации членов вооруженных формирований в ходе боевых столкновений. Обстоятельства ликвидации редко подвергаются открытому и гласному исследованию в рамках состязательной процедуры, что создает возможность для злоупотреблений законом».

Речь моя близится к концу. Привлекаю внимание суда ещё к одному процессуальному нарушению. По делу не установлен мотив преступления – обстоятельство, подлежащее доказыванию, независимо от того, охватывается ли оно составом преступления. Осталось так и непонятным, что побудило Орлова клеветать на Кадырова: корысть, месть, личная неприязнь?

Справедливости ради надо сказать, что органы расследования заводили данное уголовное дело не хотели, дважды в его возбуждении отказывали и довели до суда только под давлением прокуратуры.

Олег Орлов сказал на пресс-конференции то, что думал и чувствовал, в чём был убежден. Сейчас его за это судят. Оправдательный приговор должен пресечь явное злоупотребление прокуратурой уголовным правом.

<...>

Олег Орлов: Уважаемый суд! Я не раскаиваюсь ни в том, что публично произнёс те слова, которые вменяются мне в вину, ни в том, что поместил их в пресс-релиз Правозащитного центра «Мемориал», ни в том, что содействовал распространению этого пресс-релиза.

Не раскаиваюсь потому, что в моих действиях нет состава преступления.

Это блестяще доказал мой адвокат, Генри Маркович Резник, в своём ярком и убедительном выступлении.

Доказывая здесь свою правоту, я отстаиваю право граждан России на свободу выражения мнения. Такое право гарантировано нам Конституцией Российской Федерации, Международным пактом о гражданских и политических правах, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Всеобщей декларацией прав человека ООН и многими другими документами.

Само возбуждение уголовного дела из-за сказанных мною слов, попытки добиться признания меня уголовным преступником, – это не что иное, как неприкрытое покушение на свободу выражения мнения. Всё это лишний раз свидетельствует, что свобода слова в России находится под угрозой. В нынешней Чеченской Республике можно публично выражать лишь те мнения, которые целиком и полностью совпадают с мнением одного человека – главы этой республики. В остальной России подавление свободы слова пока не дошло до такой степени. Решение, которое суд вынесет по данному делу, либо подтолкнет нашу страну дальше к деспотии, либо, наоборот, послужит защите основных прав человека, отстаиванию европейского образа России.

Во-вторых, я не раскаиваюсь потому, что я сказал правду.

Это было со всей очевидностью продемонстрировано в ходе долгого процесса.

Это следует из показаний свидетелей, причём отнюдь не только свидетелей защиты. Из показаний некоторых свидетелей, вызванных обвинением, также ясно вырисовывается картина происходящего сегодня в Чечне.

Это в течение всего процесса обосновывал и я сам.

Ваша честь! Я не хочу сказать, что в Чеченской Республике за последние годы ничего не изменилось. Наши оппоненты стремятся выставить меня и моих коллег оголтелыми очернителями ситуации в Чеченской Республике. Это не так. Мы с радостью констатируем, что люди там теперь не гибнут под бомбардировками и артобстрелами. Жители Чечни восстановили разрушенные города и села. В 2007 и частично в 2008 годах число похищений людей заметно снизилось. Мы отмечали и это обстоятельство, и - отдельно - заслугу в этом республиканских властей. Однако такая тенденция не оказалась продолжительной

Возобновились похищения, демонстративные коллективные наказания, высказывание независимого мнения стало крайне опасно, почти невозможно, - и обо всем этом писала и говорила Наташа Эстемирова. В Чечне установился режим практически абсолютной единоличной власти. В республике стало нечем дышать

Ваша честь, за все 17 лет, что мы работаем в Чечне, - даже в разгар военных действий, в обстановке бомбежек и «зачисток» - мы не видели в глазах жителей Чечни такого страха, как в последние годы..

Суду был представлен целый комплекс материалов и свидетельских показаний о тяжких преступлениях, совершавшихся людьми, действовавшими от имени республиканской власти, о безнаказанности этих преступлений. О регулярном и повсеместном попрании закона. Об атмосфере всеобщего страха, воцарившейся в Чеченской Республике. О том, как должностные лица в Чечне давят на правозащитников, оскорбляют их, о том, как они угрожают тем, кто осмеливается публично им противоречить; и конкретно – о том, как Кадыров оскорблял Наталью Эстемирову, как он ей угрожал. Наконец, о том, что значат подобные угрозы в условиях Чечни, если они исходят от Кадырова.

Все эти материалы, все эти свидетельства доказывают, что в моих словах не было лжи, доказывают, что они были правдой. И, стало быть, мне не в чем раскаиваться.

Наконец, я не раскаиваюсь ещё по одной причине. Самой главной.

Сказать во всеуслышание то, что я сказал 15 июля 2009 года, – это был мой долг перед убитым другом, перед светлым, замечательным человеком Наташей Эстемировой.

Наташа Эстемирова органически не могла мириться с произволом, беззаконием и жестокостью, кем бы они ни совершались, – федеральными силами, республиканской властью или боевиками. Именно поэтому к ней так тянулись люди, к ней шли, и шли за помощью. Она билась за спасение людей, похищенных или подвергаемых пыткам. За беженцев, которых чиновники выкидывали на улицу из пунктов временного размещения. За право жителей горных сёл вернуться в свои дома. За то, чтобы родители смогли хотя бы узнать о судьбе своих сыновей, увезённых из дома вооружёнными людьми. За достоинство женщин Чечни. При этом она находила в себе силы заниматься ещё и сугубо социальными вопросами: например, она помогала чеченским студентам отстоять перед транспортными монополиями дешёвые автобусы, доставлявшие их из сельских районов в Грозный.

Наташу по праву можно было называть народной заступницей. Она положила свою жизнь за людей, защищая их права, их свободу, их жизни.

Я уверен: Наташа Эстемирова - из тех, кто составляет гордость чеченского народа, гордость всей России.

Я уверен: пройдёт не так уж много времени, и так любимый Наташей грозненский проспект, который сейчас носит имя Путина, вернет своё настоящее имя – проспект Победы. И где-то недалеко от проспекта Победы появится улица Наташи Эстемировой.

Ей противостояли те, кто считает, что цель оправдывает средства, что война спишет любое преступление, что грубая сила решает всё, те, кто ни в грош не ставит жизнь и достоинство людей.

И не сказать правду о вине за её гибель того человека, который создал систему своей почти абсолютной личной власти, систему фактически узаконенного беззакония, систему, которая демонстративно враждебна к людям, подобным Наталье Эстемировой, – не сказать это было невозможно. Это было бы предательством и трусостью. Поэтому я взял на себя ответственность и сказал то, что должно было прозвучать в тот день.

Отстаивая здесь, в суде, свою правоту, я тем самым снова отдаю дань памяти светлomu человеку Наташе Эстемировой.